

ГОРОД СТАЛЬНЫХ СНОВ.

ВАСИЛЬЕВА

18+

Ирина Васильева
Город стальных снов.

«Автор»

2026

Васильева И.

Город стальных снов. / И. Васильева — «Автор», 2026

Москва — город, который умеет забывать. Под его сияющими фасадами и в недрах спящих тоннелей метро ворочается первородная тьма, питающаяся страхом и отчаянием миллионов. Алексей — Хранитель, последний воин света, чья задача — латать дыры в ткани реальности и сдерживать натиск кошмаров. Но после битвы на вершине башни «Око» правила игры меняются. Древнее зло больше не атакует грубыми прорывами. Оно становится архитектором, создавая из материи сна смертоносные ловушки и переписывая сам код бытия. Чтобы спасти город, Алексею предстоит спуститься в коллективное бессознательное мегаполиса, где детские страхи обретают форму стали и стекла. Однако цена победы высока: поглощая яд этого нового врага, он рискует растворить собственную душу во тьме. Битва за Москву превращается в войну Алексея с самим собой, ведь теперь самый страшный враг заперт не под землей, а внутри него.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Белый шум.	5
Глава 2. Архитектор.	7
Глава 3. Цена якоря.	9
Глава 4. Новые правила игры.	11
Глава 5. Карусель.	13
Глава 6. Эхо в зеркале.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ирина Васильева

Город стальных снов.

Глава 1.

Белый шум.

Первые месяцы после того, как Алексей стал Якорем, были самыми тяжелыми. Он чувствовал себя не человеком, а живым конденсатором боли и отчаяния. Внутри него ворочался холодный, тяжелый ком — вся скверна Москвы, которую он впитал в себя, чтобы спасти город. Осколок обсидиана на его шее теперь служил не оружием, а печатью, сдерживающей эту тьму. Его собственные сны превратились в поле бесконечной битвы: он сражался с бесформенными кошмарами, которые пытались прорвать его ментальную защиту изнутри. Каждое утро он просыпался измотанным, словно разгружал вагоны, чувствуя во рту привкус ржавчины и озона.

Но постепенно он научился жить с этим грузом. Тьма внутри стала... послушной? Нет, это было не то слово. Скорее, она стала частью его самого, как больной орган, который приходится носить с собой. Он научился чувствовать её пульсацию, слышать её глухой ропот. Это был фон, постоянный белый шум на границе сознания, к которому он почти привык. И когда этот ропот начал меняться, становясь более ритмичным, похожим на биение больного сердца, Алексей понял: затишье закончилось.

Это началось со слухов. Тихий шепот в метро, обрывки разговоров в очередях. Люди жаловались друг другу на странные сны. Сначала безобидные, тревожащие лишь своей навязчивостью: повторяющиеся сюжеты о блуждании по бесконечным зеркальным коридорам, забытые лица родных, чувство падения с огромной высоты, от которого сводило живот даже после пробуждения. Затем сны стали более вязкими, липкими. Они вытягивали силы. Утром люди вставали разбитыми, будто всю ночь таскали тяжести, их мышцы болели, а разум отказывался включаться. В поликлиниках участились жалобы на хроническую усталость и бессонницу, от которой не помогали ни таблетки, ни снотворное.

Алексей почувствовал это одним из первых, еще до того, как новости просочились в СМИ. Это была не привычная ему вибрация разлома — резкая, дергающая, локализованная в одной точке. Это был тихий, монотонный гул, исходящий отовсюду и ниоткуда одновременно. Он шел по улице и физически ощущал его — миллионы спящих разумов, ставших уязвимыми, открытыми окнами в пустоту. Гул давил на виски, вызывал тупую головную боль и заставлял сердце биться чаще.

А потом начались смерти.

Сначала один случай: мужчина средних лет умер во сне от внезапной остановки сердца. Врачи в морге недоуменно пожимали плечами и списывали всё на стресс и переутомление. Затем еще один. И еще. Сценарий всегда был одинаковым. Человека находили утром в постели. Никаких следов насилия или болезни. Лишь выражение запредельного, первобытного ужаса, застывшее на лице, и абсолютно седые волосы, хотя накануне они были темными. Казалось, за одну ночь душа человека пережила столетний кошмар.

Филин принес ему данные через неделю после первой смерти. Он больше не выглядел безумцем; его взгляд стал острым, сосредоточенным. Он разложил на столе в убежище несколько распечатанных карт города. На одной были отмечены районы распространения жалоб на «странные сны», на другой — адреса проживания погибших.

— Смотри, — сказал Филин, проводя пальцем по линиям. Карта смертей идеально совпала с картой распространения кошмаров, образуя одно сплошное, уродливое пятно. Эпицентр находился в одном из новых спальных районов на юге столицы, там, где бетонные многоэтажки подпирали серое небо.

Алексей долго молчал, изучая карты. Он смотрел не на бумагу, а сквозь неё, чувствуя, как изменившийся гул в его голове пульсирует в такт с точкой на карте.

— Оно сменило тактику, — наконец произнес Алексей, поднимая глаза на Филина. Голос звучал хрипло и устало. — Больше никаких прорывов. Теперь оно атакует напрямую. Через подсознание.

Он коснулся пальцами эпицентра на карте. Холод от бумаги обжег кожу. Война только начиналась.

Глава 2. Архитектор.

Эпицентр аномалии находился в районе Царицыно, если быть точным — в одной из новостроек на окраине жилого комплекса. Типовая семнадцатизэтажка из бледно-жёлтого кирпича ничем не отличалась от своих соседей-близнецов. Такие места Алексей ненавидел больше всего: бетонные ульи, напичканные чужими жизнями, надеждами и страхами. Идеальная среда для того, что поселилось внизу.

Было три часа ночи — время самого глубокого сна, когда разум наиболее уязвим. Город вокруг спал, но это был беспокойный сон. Даже отсюда, стоя во дворе у детской площадки, Алексей чувствовал его глухой, монотонный стон. Миллионы людей сейчас блуждали по лабиринтам навязанных кошмаров, отдавая свои жизненные силы ненасытной пустоте под фундаментом.

— Которая? — тихо спросил Филин. Он стоял рядом, сжимая в руках старый термос с чаем. Для него это место было просто домом, для Алексея же — полем битвы.

Алексей медленно повернулся, сканируя взглядом ряды одинаковых окон. Его взгляд скользил по фасаду здания, пока не остановился на одном окне на двенадцатом этаже. Оно было темнее других. Не просто неосвещённым, а именно *чёрным*, словно поглощающим даже свет уличных фонарей. Вокруг этого окна воздух казался вязким, искажённым, как над раскалённым асфальтом в жару.

— Двенадцатый этаж, третье окно справа, — выдохнул Хранитель. — Там гнездо.

Они вошли в подъезд. Лифт вызывать не стали — гул мотора мог разбудить кого-то, а привлечь внимание было ни к чему. Поднимаясь по лестнице, Алексей ощущал, как тяжесть внутри него начинает пульсировать в такт с чем-то зловещим, исходящим сверху. Это была уже не пульсация скверны, которую он носил в себе. Это был ритм чужого, враждебного сердца.

На лестничной клетке двенадцатого этажа стояла абсолютная тишина. Обычно в таких домах всегда есть какой-то фоновый шум: гудение труб, далёкий звук телевизора, храп за стеной. Здесь же была ватная, мертвая тишина. Алексей подошёл к нужной двери — железная дверь в серую полосу, номер «74». Никакой защиты, никаких магических печатей. Сущность чувствовала себя здесь настолько уверенно, что не нуждалась в маскировке.

Он положил ладонь на холодную поверхность металла. На мгновение ему показалось, что он слышит тысячи голосов, слившихся в один беззвучный крик. А затем дверь исчезла.

Не открылась. Именно исчезла, растворившись в воздухе, словно её никогда и не было. За ней оказалась не стандартная однокомнатная квартира с ремонтом от застройщика, а бесконечное пространство.

Это была детская комната. Огромная, размером со стадион. Обои с нарисованными мультяшными динозаврами уходили вдаль, теряясь в тумане. Посреди комнаты стоял мальчик лет десяти. Он сидел на полу спиной к Алексею и строил башню из гигантских кубиков конструктора. Кубики были странными, полупрозрачными, и внутри каждого клубилась тьма.

Мальчик обернулся. У него было спокойное, почти безмятежное лицо ребёнка, полностью погруженного в любимое занятие.

— Ты опоздал, — сказал он голосом, который звучал одновременно как детский лепет и как скрежет камней в горном обвале. — Они все уже спят. Крепко-крепко. Я дарю им покой.

Алексей шагнул вперёд, инстинктивно нашаривая осколок на груди. Камень был ледяным.

— Это не покой. Это смерть. Ты высасываешь из них жизнь.

Мальчик нахмурился, словно взрослый, которого отвлекли от важной работы.

— Неправда. Им хорошо. Мне снился этот дом. И я... построил его. Теперь мы будем жить здесь вечно.

В этот момент Алексей понял всё. Сущность внизу нашла идеальный сосуд. Ребёнок-аутист, чья психика была невероятно пластичной и сильной. Для него реальный мир был слишком жестоким и непонятным. Древнее зло предложило ему сделку: оно создаёт для него идеальную реальность, где он — бог-архитектор, а взамен получает доступ к его дару формировать материю сна. Мальчик был счастлив. Он искренне верил, что спасает людей от тягот жизни, погружая их в вечный, счастливый сон.

— Этот сон ненастоящий, — тихо сказал Алексей, делая ещё один шаг. Башня из кубиков позади мальчика росла, пронзая потолок этой вымышленной комнаты и уходя куда-то в небеса мира снов. — Посмотри в окно. Там твой настоящий дом. Твоя мама ждёт тебя. Ей страшно. Она плачет каждую ночь, потому что ты не приходишь.

Алексей говорил правду. Он использовал свою связь с тьмой внутри себя, чтобы показать мальчику истинный мир через призму эмоций. Страх матери, её одиночество, её любовь. Башня из кубиков задрожала. Один из верхних блоков сорвался и полетел вниз, разбиваясь о пол с глухим, влажным звуком.

— Ты лжёшь! — закричал ребёнок, и его голос сотряс весь иллюзорный мир. Лицо искажилось, превращаясь в маску древней ярости. Комната начала рушиться. Обои пошли трещинами, из которых сочилась чернота. — Ты хочешь забрать мой дом!

Монстр проснулся. Иллюзия детского лица сползла, как маска, обнажая нечто бесформенное и голодное. Воздух загустел, становясь тяжёлым и непригодным для дыхания. Монстр вырос до потолка, заполняя собой всё пространство комнаты. Он больше не притворялся.

Битва была бессмысленна. Любая агрессия лишь укрепила бы веру ребёнка в правоту его дела. Алексей опустил руку с осколком. Свет камня померк, реагируя на изменение ситуации. У него оставался только один шанс.

— Может быть, — спокойно ответил Алексей, глядя в чёрные провалы, которые служили существом глазами. — Но ты всегда сможешь проверить.

Он сделал последний шаг и оказался прямо перед монстром. Тот нависал над ним, источая волны первобытного ужаса, способного свести с ума обычного человека. Но Алексей уже не был обычным человеком. Он открыл ящик Пандоры, который носил внутри себя.

— Если тебе так дорог этот сон, — прошептал он, — тогда смотри.

И он выпустил тьму.

Не наружу, а внутрь. Вся скверна Москвы, вся боль и отчаяние, которые он впитал год назад, хлынули из него не разрушительным потоком света, а волной чистого, незамутнённого хаоса. Это был удар колоссальной мощи, направленный не на разрушение, а на перегрузку. Мир снов не выдержал такого напора чистого безумия. Реальность начала рушиться. Стены комнаты пошли пикселями, башня из кубиков рассыпалась в пыль, которая тут же смешивалась с чернотой бездны.

Последнее, что услышал Алексей, прежде чем сознание покинуло его, был отчаянный детский плач, перешедший в визг космического масштаба, а затем — оглушительная тишина.

Глава 3. Цена якоря.

Первым, что он почувствовал, был запах. Крепкий чай с чабрецом и старая бумага — аромат убежища Агамемнона. Затем пришло ощущение тяжести собственного тела. Алексей открыл глаза. Он лежал на продавленном диване в задней комнате антикварной лавки, укрытый тяжелым шерстяным пледом.

Солнечный свет пробивался сквозь пыльное окно под потолком, рисуя в воздухе танцующие пылинки. Голова была ясной, но тело ломило так, будто его пропустили через мясорубку. Он попытался сесть, и тут же над ним склонилось знакомое лицо. Агамемнон выглядел постаревшим лет на десять. Под глазами залегли глубокие тени, а руки, державшие чашку с дымящимся чаем, едва заметно дрожали.

— Очнулся, — голос старика звучал не как обычно — мягко и шелестяще, а хрипло и устало. — Слава всем богам, очнулся. Ты провалялся без сознания трое суток. Я уже думал...

Он не закончил фразу, лишь махнул рукой и помог Алексею принять сидячее положение. Горячий чай обжёг горло, возвращая к жизни.

— Филин? — первым делом спросил Алексей, оглядываясь. В комнате они были одни.

— Жив твой безумец, — проворчал Агамемнон, опускаясь в своё кресло. — Вытащил тебя из того подъезда. Сказал, ты «светился изнутри» и от тебя шёл такой холод, что он чуть сам не окочурился. Оставил тебя у меня на пороге и снова исчез в своих катакомбах. Теперь ещё и героем себя мнит.

Алексей сделал ещё один глоток. Тишина за окном казалась оглушительной. Он прислушался к себе. Внутри... было пусто. Тот холодный, тяжёлый ком скверны, который он носил в себе год, исчез. На его месте образовалась звенящая, гулкая пустота. И вместе с тем он чувствовал невероятную, чудовищную тяжесть. Будто он держал на плечах не часть города, а весь мегаполис целиком.

— Оно работало? — тихо спросил он, глядя на свои руки. Они выглядели обычными, человеческими, но он знал, что это обман.

Агамемнон долго молчал, прежде чем ответить. Он встал, тяжело шаркая ногами, подошёл к столу и взял оттуда небольшое зеркало в медной оправе.

— Смотри, — просто сказал он и протянул его Алексею.

Из мутного стекла на него смотрел незнакомец. Его волосы, которые всегда были тёмными, теперь густо серебрились сединой. Но главное были глаза. Радужка стала почти прозрачной, ледяной, словно арктический лёд. А зрачки... Зрачки больше не были чёрными точками. В них клубилась тьма. Не та внешняя тьма, с которой он боролся, а первородная, абсолютная чернота, похожая на ту, что он видел внутри «Сердца Тени». Она медленно вращалась, гипнотически затягивая взгляд.

— Что со мной? — прошептал Алексей, роняя зеркало. Стекло не разбилось, упав на старый ковер.

— Ты стал якорем, мой мальчик, — глухо ответил Агамемнон. — Настоящим якорем. До этого ты был лишь сосудом, сдерживающим то, что мы выпустили. Но сегодня... Сегодня ты сделал нечто большее. Ты не просто запечатал разлом. Ты поглотил саму сущность этой твари. Её ядро. Её волю.

Старик сел обратно в кресло и посмотрел на Алексея с невыразимой печалью.

— Ты запер её внутри себя. Вся скверна Москвы, которую ты впитал ранее, была лишь сырьём, топливом. А теперь ты добавил в этот реактор само зло. Ты победил, Алексей. Но цена... Цена непомерна. Теперь ты не просто удерживаешь город. Ты стал его фундаментом. Если твоя воля дрогнет хотя бы на мгновение, если эта тьма вырвется наружу... она не просто прорвётся. Она *станет* Москвой.

Алексей поднял голову. Он чувствовал это. Пустота внутри была не отсутствием силы, а её концентрацией. Он ощущал каждый спящий разум в городе, каждую мечту и каждый страх. Он слышал их шепот, но теперь этот шепот не нес угрозы. Он был подобен гулу прибора — постоянный, мощный, но контролируемый. Он стал фильтром между городом и бездной.

— Справлюсь, — твёрдо сказал он. Голос прозвучал ровно, но в нём слышались новые, чужие нотки. Эхо той бездны, что теперь жила в нём.

Он встал с дивана, сбросив плед. Движения были плавными, выверенными. Агамемнон с тревогой наблюдал за ним.

— Куда ты?

— Проверить периметр, — ответил Алексей, направляясь к двери. Перед выходом он остановился. — Спасибо, учитель. За всё.

Он вышел на улицу. Москва встретила его обычным шумом: гулом машин, далёкой сиреной, смехом детей с соседней площадки. Город жил своей жизнью, не зная своего спасителя. Люди спешили по делам, погруженные в свои мелкие заботы, даже не подозревая о титанической битве, которая только что завершилась ради их спокойствия.

Алексей поднял голову и посмотрел на небо. Оно было голубым, с редкими белыми облаками. Обычное московское небо. Никаких теней в углах, никакого гула из-под земли. Только тишина и покой, купленные ценой его души.

Он сунул руки в карманы плаща и пошёл прочь. Впереди его ждала долгая жизнь и вечный дозор. Битва была окончена. Война продолжалась.

Глава 4. Новые правила игры.

Алексей шел по вечерней Москве, и город казался ему другим. Не внешне — те же серые панельные дома на окраинах, та же неоновая реклама, тот же запах выхлопных газов и жареного мяса из летних кафе. Изменилось его собственное восприятие. Он больше не был гостем в этом городе. Он стал его частью, его скелетом.

Каждый шаг отдавался эхом. Это было странное ощущение: он чувствовал пульс города как свой собственный. Вот здесь, под асфальтом, проходит теплотрасса, и её монотонное гудение отдается легкой вибрацией. А там, в трех кварталах отсюда, у пожилой женщины случился приступ тахикардии; Алексей почувствовал короткий, острый укол страха, который тут же растворился в общем фоне. Город шептал ему миллионами голосов, но теперь этот шепот не был угрожающим. Он был... информативным. Как данные с тысяч датчиков, поступающие в единый центр управления.

Он остановился у моста через Яузу, облокотившись на перила. Вода внизу казалась черной и маслянистой. Алексей закрыл глаза и «послушал» глубже. Тишина. Полная, абсолютная тишина там, где раньше всегда ощущалось глухое, утробное ворчание древнего зла. Монстр под Кремлем мертв. Его ядро переваривается внутри нового носителя. Но почему тогда чувство тревоги не отпускает?

Ответ пришел сам собой, холодной волной прокатившись по позвоночнику. *«Оно сменило тактику».* Сущность была древним, чуждым разумом. Она умела учиться на своих ошибках. Прямые прорывы не сработали. Атака через коллективный сон провалилась. Теперь она будет действовать тоньше. Изошреннее.

— Ты выглядишь так, будто пытаешься услышать, как растут грибы под землей, — раздался знакомый голос сбоку.

Филин стоял рядом, прислонившись к опоре моста. В руках у него был неизменный термос. Выглядел он гораздо лучше, чем неделю назад: выбритый, в чистой (хоть и мятой) рубашке. Безумный блеск в глазах почти исчез, уступив место сосредоточенности.

— Я проверял периметр, — ответил Алексей, открывая глаза. — Пусто. Оно затаилось.

— Или мы просто не видим его новых ходов, — Филин открутил крышку термоса, и аромат крепкого чая с мятой разлился в вечернем воздухе. — Знаешь, что я нашел в архивах? Легенды о «спящих мастерах». Это не просто сказки для диггеров. Это протоколы безопасности. Древние знали, что зло нельзя убить. Его можно только изолировать или перенаправить.

Алексей взял протянутый стаканчик. Чай был обжигающе горячим.

— О чем ты?

— О том, что наш враг — паразит. Ему нужна энергия. Раньше он жрал негатив: страх, боль, отчаяние. Мы закрыли ему доступ к главному источнику. Что делает любой голодный хищник, когда привычная добыча исчезает? Ищет новую.

Внезапно Алексей понял. Холодная пустота внутри него отозвалась на эти слова. Он посмотрел на Филина, и тот кивнул, словно прочитав его мысли.

— Да. Позитивные эмоции. Радость. Любовь. Надежда. Самые чистые и мощные источники энергии. Представляешь, какой пир там устроится? Город любви и счастья, превращенный в кормушку для твари из бездны. Люди будут счастливы до смерти. Буквально.

Картинка сложилась воедино, и она была страшнее любых кошмаров. Если сущность начнет питаться радостью, Москва превратится в самый жизнерадостный морг на планете. Парки будут полны смеющихся людей, которые танцуют, пока их сердца не остановятся от передозировки эйфорией. Концерты станут массовыми сеансами самоубийств под музыку. Никто ничего не заподозрит. Наоборот, все будут писать в соцсетях, какая это замечательная жизнь.

— Нам нужно найти точку фокуса, — твердо сказал Алексей. — Центр этой новой воронки. Пока оно еще слабое. Пока оно только пробует вкус.

— Уже, — Филин усмехнулся уголком губ и достал из кармана потертый блокнот. Развернув карту Москвы, он ткнул пальцем в район около ВДНХ. — Парк аттракционов. Колесо обозрения «Солнце Москвы». За последние три дня посещаемость выросла на сорок процентов. При этом количество вызовов скорой помощи с диагнозом «острая сердечная недостаточность на фоне эмоционального перевозбуждения» выросло пропорционально. Люди выходят оттуда с абсолютно идиотскими, блаженными улыбками и стеклянными глазами. Они не хотят домой. Они хотят вернуться обратно.

Алексей смотрел на яркую точку на карте. Символ праздника, радости и детства. Идеальная маскировка для чудовища.

— Завтра оно заработает в полную силу, — тихо произнес Хранитель. Его прозрачные глаза блеснули в свете фонарей. — Значит, завтра мы идем на карусели.

Он залпом допил чай и выбросил стаканчик в урну. Война действительно продолжалась. Правила изменились, противник стал хитрее, но исход оставался прежним. Алексей поправил воротник плаща и пошел в сторону метро. Впереди была долгая ночь. Ему нужно было подготовиться. Потому что сражаться со счастьем оказалось куда тяжелее, чем с тьмой.

Глава 5. Карусель.

Колесо обозрения «Солнце Москвы» сияло. Это было не просто свечение лампочек, это было сияние в самом прямом, физическом смысле. Гигантская конструкция, вознесшаяся над ВДНХ, пульсировала мягким, теплым светом, который, казалось, проникал под кожу и вызывал непроизвольную улыбку. Атракцион еще не был открыт для посетителей, но Алексей чувствовал его зов. Это был не ментальный шепот, как раньше, а мощный, всепроникающий поток чистой, концентрированной эйфории.

Филин, стоявший рядом с ним у ограды парка, нервно ежился.

— Мерзкое место, — пробормотал он, плотнее запахивая куртку. — Слишком ярко. Слишком... сладко. У меня от этого сахара в воздухе зубы сводит.

Алексей его не слушал. Он шел к входу, и каждый шаг давался ему все тяжелее. Осколок на его груди, обычно теплый и спокойный, сейчас вибрировал и обжигал кожу холодом. Он пытался бороться с влиянием колеса, но это было похоже на попытку плыть против течения бурной реки. Волны чужого, искусственного счастья накатывали одна за другой, пытаясь смыть его волю, заставить расслабиться и просто наслаждаться моментом.

— Эй, куда? — окликнул его охранник у турникетов, когда Алексей, не останавливаясь, прошел сквозь закрытые ворота. Сила его ауры, смешанная с отголосками тьмы внутри, заставила крепкого мужчину моргнуть и потереть глаза, словно он увидел мираж.

Внутри гондолы было еще хуже. Воздух здесь был плотным, густым и пах карамелью и детскими мечтами. Алексей зашел в одну из застекленных кабинок и закрыл за собой дверь. Идеальная звукоизоляция отрезала внешний мир. Он остался один на один с этим сиянием.

Он сел на пол, прислонившись спиной к мягкой обивке сиденья. Закрыл глаза. И «посмотрел» по-другому. Он отпустил свое восприятие, позволяя тьме внутри него развернуться. Мир тут же изменился. Сияние колеса не исчезло, но теперь он видел его структуру. Это была не просто энергия радости. Это была сложная, хищная паутина из тончайших черных нитей, которые оплетали кабину, уходили вверх к оси колеса и вниз, глубоко под землю.

Сущность была там. Она больше не пряталась в темных катакомбах под Кремлем. Она нашла себе новый дом — монумент радости и света. Она паразитировала на самой сути этого места.

«Прекрасный вид, не правда ли?»

Голос раздался прямо в голове Алексея. Он был другим. Если раньше это был утробный рык или многоголосый шепот ужаса, то теперь он звучал мелодично, успокаивающе и невероятно убедительно. Голос лучшего друга, которому ты доверяешь безгранично.

Алексей открыл глаза. Напротив него в кабине сидел он сам. Его двойник. Только этот Алексей был идеален: волосы без единого седого волоска, кожа гладкая, а в глазах плясали веселые искорки. Он сидел в расслабленной позе и улыбался самой искренней и счастливой улыбкой.

«Ты так долго боролся с болью и страхом», — продолжило видение. «Ты нес на себе груз целого города. Ты устал. Позволь себе отдохнуть. Просто... отпусти».

Двойник протянул руку.

«Смотри».

Стекла кабины стали прозрачными, показывая Москву с высоты птичьего полета. Но это была не та Москва, что знал Алексей. Это был город из детской мечты: дома были выкрашены в пастельные тона, по улицам ездили смешные разноцветные трамваи, а в парках гуляли абсолютно счастливые люди без единой тени на лице.

«Это может быть реальностью», — прошептал двойник. «Не для всех. Для начала — для тебя. Ты можешь стать частью этого мира. Ты можешь стать его центром. Больше никакой боли. Никакой тьмы внутри. Только свет и покой».

Искушение было ледяным и острым. Алексей почувствовал, как его воля дает трещину. А что, если так будет лучше? Что, если вечная борьба бессмысленна? Что, если единственный способ победить боль — это раствориться в счастье?

Он уже почти коснулся протянутой руки своего двойника...

...когда в кармане завибрировал телефон.

Резкий, техногенный звук разрушил морок так же эффективно, как удар молотка по стеклу. Иллюзия двойника пошла рябью и исчезла. Видение идеального города померкло.

Алексей судорожно выдохнул. Он был мокрым от пота, а сердце колотилось где-то в горле. На экране телефона светилось имя: ****Филин****.

— Да? — хрипло ответил он.

— Ты там в порядке? — голос Филина звучал напряженно. — Я тут подумал... Счастье — это эмоция личная. А страх — коллективная. Чтобы накормить такую тварь одним счастьем, нужно слишком много энергии и слишком сложная сеть для её сбора.

Алексей посмотрел на черные нити паутины вокруг себя.

— А что если... она не питается счастьем напрямую?

— Точно! — Филин почти кричал в трубку от возбуждения. — Что если она просто *искажает* его? Берет чистую энергию радости и пропускает через себя! Как фильтр! Она не ест сахар, она ест то дерьмо, которое остается после очистки! Страх! Она превращает счастье в свой собственный яд!

В голове Алексея все встало на свои места. Люди выходили с колеса обозрения не просто счастливыми до смерти от передозировки эндорфинов. Они выходили... отравленными изнутри эйфорией, которая медленно разъедала их души и тела, оставляя после себя лишь пустую оболочку и абсолютное блаженство перед концом.

Это было гениально и чудовищно.

Алексей поднялся на ноги. Осколок на его груди раскалился добела.

— Я знаю, что делать.

Он вышел из кабины на открытую платформу колеса обозрения. Ветер ударил ему в лицо. Город лежал перед ним как на ладони — огромный, живой организм.

Он поднял руку с осколком к небу.

— Якорь здесь! — крикнул он в пустоту, обращаясь к сущности внизу. — Попробуй исказить это!

Свет из осколка ударил вверх по оси колеса обозрения, а затем хлынул вниз по всем его спицам и опорам одновременно. Это был не луч смерти из фантастического фильма. Это был свет очищения. Он проходил сквозь черные нити паутины, не разрушая саму конструкцию аттракциона, а выжигая из неё чужеродную сущность.

Колесо обозрения вспыхнуло ослепительным белым светом на несколько секунд, а затем погасло, вернувшись к своему обычному состоянию мирно спящего аттракциона.

Внизу Алексей увидел Филина, который смотрел на него снизу вверх и показывал большой палец.

Алексей перевел дыхание и убрал осколок под плащ. Битва была выиграна снова. Но он чувствовал себя опустошенным до предела. Тьма внутри него ворочалась сыто и лениво после поглощенного «яда». Она стала еще сильнее.

Он спустился вниз по служебной лестнице.

— Оно учится быстрее нас, — сказал он подошедшему Филину.

— Значит, нам тоже придется учиться быстрее, — ответил тот и протянул ему термос с чаем.

Они шли прочь от парка аттракционов по направлению к метро. Впереди их ждала долгая ночь и неизвестность нового дня. Война продолжалась по новым правилам, где враг мог скрываться за любой улыбкой.

Глава 6. Эхо в зеркале.

Тишина. Вот что было самым странным. После того как Алексей очистил колесо обозрения, город не взорвался фейерверками и не разразился аплодисментами. Не было никаких видимых признаков победы. Просто на следующее утро в новостях промелькнула короткая заметка о «технической неисправности» на аттракционе, а затем — ничего. Город, этот огромный, безразличный организм, просто продолжил жить дальше, переварив и это незначительное событие.

Но для Алексея тишина была оглушительной. Он сидел на скамейке на Чистых прудах, наблюдая, как закатное солнце красит воду в медный цвет. Филин, сидевший рядом, методично листал распечатки из архива метростроя, бормоча себе под нос что-то о «картах грунтовых вод» и «заброшенных ветках».

— Слишком тихо, — наконец нарушил молчание Алексей, не отрывая взгляда от воды. — Оно не могло так просто отступить. Сущность поняла, что прямые атаки я отражаю. Она затаилась, но не ушла.

— Или мы его не видим, — буркнул Филин, не поднимая головы. — Мы ищем разломы, прорывы тьмы. А что если теперь её оружие — это свет? Счастье мы уже видели. Что дальше? Вдохновение? Любовь? Гениальность?

Алексей поморщился и потер виски. Голова гудела. Тьма внутри него, насытившись «ядом» с колеса обозрения, стала беспокойной. Она больше не была просто грузом. Она стала активным, мыслящим компаньоном, который постоянно нашептывал ему варианты: «Убей его. Он слаб. Он предаст тебя. Ты можешь взять его силу». Филин был прав в одном: враг менял правила игры быстрее, чем они успевали реагировать.

Внезапно Алексей замер. Его взгляд, до этого блуждавший по воде, сфокусировался на ней с пугающей четкостью. По гладкой поверхности пруда пробежала рябь, хотя ветра не было. А затем он увидел.

Это было не видение и не сон. Это было прямое знание, пришедшее извне и одновременно из глубины его собственного нового естества. Он увидел не Москву-реку или Язу. Он увидел всю гидросистему города как единый организм. Подземные реки, заключенные в бетонные коллекторы; древние русла, ставшие фундаментом для современных зданий; сеть труб и канализации, оплетающая мегаполис подобно венам.

И в этой сети пульсировала чужеродная энергия. Она не текла по трубам, она *была* трубами. Она пропитала бетон и металл, став частью инфраструктуры.

— Вода, — прошептал Алексей.

— Что? — Филин оторвался от своих бумаг.

— Вода — это идеальный проводник. Не только для электричества или звука... для всего. Для эмоций, для памяти. Город пьет эту воду каждый день. Миллионы людей.

Он вскочил со скамейки так резко, что Филин вздрогнул.

— Оно не будет бить точно! Зачем строить карусель или заражать сны одного района? Оно может отравить источник! Весь город разом! Каждого, кто сделает глоток воды из-под крана!

Филин побледнел. До него дошло.

— Водоканал... Резервуары... Это же...

— Это миллионы людей за один раз, — закончил за него Алексей. Голос Хранителя был холоден как лёд. — Мы должны найти главный узел распределения.

Они поймали такси и поехали на северо-восток города, к комплексу сооружений Северной станции водоподготовки. Огромная промзона на окраине встретила их глухим бетонным забором и мигающими фонарями охраны.

— Туда нам не попасть, — констатировал Филин, осматривая периметр. — Это режимный объект.

Алексей не слушал. Он подошел вплотную к забору и положил на него ладонь. Бетон был холодным и вибрировал от работы огромных насосов внутри. Он закрыл глаза и «погрузился». Мир снова изменился. Он видел не забор, а потоки энергии. И он видел их источник.

Внутри комплекса находилось гигантское сооружение — главный резервуар чистой воды. Огромный бетонный куб, уходящий под землю на десятки метров. И сейчас этот куб не просто хранил воду. Он был наполнен тем самым лиловым свечением, которое он видел в тоннелях Ветки Мертвых. Сущность была там. Она не пряталась в темноте — она плавала в самом сердце того, что давало городу жизнь.

— Я должен войти туда, — сказал Алексей, открывая глаза.

— Ты спятил? Там охрана, камеры! Тебя пристрелят раньше, чем ты скажешь «здоровствуйте»!

Алексей повернулся к Филину. В его прозрачных глазах клубилась тьма.

— Я не пойду через ворота.

Он сделал шаг назад от забора и посмотрел на свои руки. Тьма внутри него отозвалась на зов мгновенно, потекла по венам к коже. Алексей приложил ладонь к бетонной плите забора. На мгновение ничего не произошло. Затем по бетону пошла мелкая рябь, словно он был не твердым материалом, а густой жидкостью. Плита под его рукой стала прозрачной, как мутное стекло, а затем просто... исчезла, открывая проход размером с человека.

Филин смотрел на это с открытым ртом.

— Как ты...?

— Я теперь и есть тьма, — тихо ответил Алексей, проходя сквозь стену так же легко, как сквозь туман. Он даже не почувствовал сопротивления.

Он оказался на территории станции. Вокруг высились башни аэраторов и огромные цилиндрические фильтры. Алексей двигался бесшумной тенью между строениями, обходя патрули охраны. Для камер он был просто слепым пятном — его новая сущность искажала реальность вокруг него, делая его невидимым для электронных глаз.

Главный резервуар находился в центре комплекса. Это была огромная бетонная полусфера, закрытая массивным люком. Алексей подошел к нему и снова положил руку на холодный металл.

«Ты пришел», — прошелестел голос сущности в его голове. Теперь он звучал как хор капающей воды и эхо в пустой трубе. «Ты думаешь, что спасаешь их? Ты пьешь их боль годами. Ты сам стал паразитом».

Алексей проигнорировал слова. Он знал эту тактику: посеять сомнение.

«Я пришел закончить это».

Он сжал кулак, и тьма из его ладони перетекла на поверхность люка. Металл зашипел, покрываясь инеем в августовскую жару. Замки рассыпались ржавой пылью. Люк с тяжелым стоном открылся сам собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.